

Когнитивная социология и соборное мышление

Михаил Сухарев

Статья была опубликована в Русском Журнале (<http://russ/ru>)

Дата публикации: **3 Января 2003**

Ситуация, в которой оказалась Россия, конечно, достаточно тяжела. В то же время эта ситуация достаточно часто встречалась в истории, вспомнить хотя бы падение Римской империи. История знает как случаи безвозвратного ухода наций, государств и империй, так и случаи их последующего возврата и нового усиления. Взять хотя бы Русь-Россию, восставшую после веков пребывания в данниках Золотой Орды, или Китай, неоднократно оживавший после набегов варваров и даже после захвата ими престола.

Имеются многочисленные объяснения причин взлета и падения империй с точки зрения экономики, организации армии, устройства государства, падения нравов, генетических мутаций, волн пассионарности и так далее. Но сравнительно мало осмыслены социально-исторические процессы как результат *мыслительной деятельности человека и общества*, как внешняя проекция изменений и переломов в представлении людей о мире и своем месте в нем. "Разруха начинается в головах", - сказал Булгаков.

Там же с ней и нужно справляться в первую очередь. Следовательно, проблема возрождения, проблема национального усиления - это проблема мышления, причем мышления правильного. Интенсивность общественного мышления трудно измерить, по крайней мере, мне такие индексы не известны, но по моему субъективному ощущению, эта интенсивность резко увеличивается в эпоху, предшествующую переменам (1905-1917, 1985-1991), и сохраняется несколько лет после них. Усиленное мышление перед революцией направлено на слом в головах граждан старого представления о мироустройстве, усиленное мышление после - на изобретение нового миропорядка.

Таким образом, переход от разрушения к созиданию требует усиленного и хорошо организованного общественного мышления, а для этого нужно лучше понимать, как оно происходит. К счастью, в последние годы быстро развивается так называемая "когнитивная наука" (cognitive science), благодаря чему появляется надежда на прогресс в этом направлении.

Мышление - настолько внутренний, интимный процесс, что человек часто не замечает тех мыслительных процессов, которые в буквальном смысле сопровождают каждый его шаг. Умственные действия, мгновенно совершающиеся в голове с целью обеспечить простую прогулку в магазин за бутылкой кефира, столь же сложны и многочисленны, как и не заметны для личности. Эти умственные действия обеспечиваются и подкрепляются колоссальной системой знаний, которую мы, не слишком напрягаясь, несем в своей голове - от знаний о физических особенностях среды (воздух, асфальт, улица, здания) до знаний об экономике и организации общества (деньги, продавцы, товар, цены). Я должен знать, где стоит магазин (и что такое "магазин"), сколько стоит кефир (и что такое "стоит" вообще), представлять возможности своего тела перемещаться в данной среде (и что такое "перемещаться" вообще), знать, что предположительно продается (и что значит "продается") в этом магазине, знать, что этот кефир нужен моему организму и так далее.

Еще более сложные когнитивные (мыслительные) процессы и системы знаний приводятся в действие при планировании социальных действий. Например, если группа людей собирается организовать новое предприятие или разработать новый закон. При этом люди вынуждены пользоваться теми знаниями об обществе и процессах в нем, которыми они располагают. В последние годы быстро развиваются несколько тем, имеющих дело с мышлением. Это когнитивная наука (cognitive science), управление знаниями (knowledge management), организационное обучение (organizational learning). Благодаря этим направлениям возникает надежда на лучшее понимание того, что такое "знание" вообще, причем понимание более конструктивного плана, нежели то понимание, которое достижимо в рамках конвенциональной философии.

Обзор работ по когнитивной социологии имеется в статье Пауля ДиМаггио (Paul DiMaggio) "Culture and Cognition" в журнале *Annual Review of Sociology* 23(1997):263. Конечно же, для расширенного понимания знания надо быть знакомым с эволюционной эпистемологией, в особенности с работами Карла Поппера.

В частности, стало ясно, что существует *явное знание*, допускающее словесное описание, и знание *скрытое*, приобретенное благодаря практике, которым пользуется в своей деятельности всякий специалист и которое именуется интуицией или опытом. Например, акробат знает, как сделать сальто, но вряд ли он может описать это настолько точно, чтобы можно было использовать это описание как алгоритм для повторения. Политик часто чувствует ситуацию и догадывается, как поведут себя те или иные люди или группы, но не может объяснить во всех деталях, почему. Так вот, при планировании социальных действий интенсивно используется некая внутренняя *картина социального мира*, которой располагает в той или иной мере каждый из нас.

Эта картина - далеко не некое частное достояние, как могут подумать некоторые индивидуалисты. Так же, как и картина физической Вселенной, она создается усилиями многих людей в течение длительного времени. Аналогично научным парадигмам Томаса Куна, во время нормального развития общества большинство пользуется некой общепринятой картиной (с некоторыми вариациями). В период социальных кризисов критика этой картины мира резко усиливается, и на сцену выходят альтернативные, до того времени прозябавшие в тени. Планирование социальных процессов усложняется из-за того, что почти всегда часть планировщиков исповедуют одну парадигму, часть - другую, часть - третью. Одни верят в "невидимую руку" Адама Смита, другие - в хартланд Макиндера, третьи - в обновленный социализм.

Здесь надо сказать несколько слов о мышлении вообще. Мышление в определенной степени присуще всем высшим животным. Животные способны распознавать образы (узнавать людей, фигуры, ситуации). Они способны сопоставлять, им доступны определенные уровни абстракции (собака прекрасно понимает, что данное существо относится к классу "человек", а данное - к классу "кошка", и вести себя с ними нужно соответственно). Как показывают эксперименты с обучением обезьян языку жестов (знаменитая шимпанзе Уошо), животным доступна весьма развитая коммуникация.

По-видимому, главное и решающее отличие человека (а точнее сказать, общества) состоит в том, что люди способны *обмениваться абстракциями, созданными в индивидуальном мышлении*. Нечто общее, некое правило, уловленное животным (например, способ добычи корма), может усваиваться другими животными только через подражание; увы, не все можно объяснить знаками. Люди же способны передавать весьма абстрактные правила с помощью

языка. Причем сначала передаются абстракции одного уровня, например, понятия чисел и операций над ними, затем в сознании обучаемого из этих абстракций строятся абстракции более высокого уровня, а из тех абстракций - еще более высокого (метаматематика, например).

Если принять во внимание, сколько абстракций, понятий, правил и законов, открытых другими людьми, использует каждый из нас в своей умственной деятельности, то приходится отказаться от свойственных человеку амбиций по поводу автономности его мышления. Мы на 99% мыслим мыслями других людей, часто созданными в других странах и в другие эпохи. То есть, *мышление соборно* по самой своей сути. Однако каждая личность представляет собой совершенно уникальное сочетание идей разного рода. Это сочетание зависит от всей идейной истории человека, от того, в каком окружении он рос, что читал, какие фильмы смотрел, какие сайты посещал. Так же, как биологическая эволюция, создавая живое существо с уникальным набором генов, задает природе вопрос - хорошо ли это? - так и социальная эволюция, создавая личность с уникальным набором идей, задает миру вопрос самой этой личностью, способностью личности понять или создать нечто новое в мире.

Личность - это вопрос, который История задает Вселенной. У истории много вопросов, потому ей и нужны миллионы личностей. Ясно, что многие из этих вопросов заданы не вовремя, заданы неправильно, заданы не о том. Чем лучше организовано общество, тем большая часть личностей в нем представляет собой правильные вопросы, заданные вовремя и там, где это необходимо.

Идейный багаж человека определяет его планы, потому что в планировании своей деятельности он сначала строит проект желательного будущего, используя для этого те идейные элементы, кирпичики мысленного мира, которые у него имеются. Человек не может планировать построить завод или нефтепровод, если он не знает, что такое "завод", "нефтепровод". Если его умственный мир состоит из сохи, телеги и серпа, то он и будет планировать использование сохи, телеги и серпа. Ему не из чего строить проект будущего помимо тех элементов, что он имеет. Лишь немногие люди могут придумать несколько новых элементов; но даже величайшие гении не смогли создать больше десятка-другого новых идей.

Общество, как и человек, шага не может ступить без создания предварительного мысленного проекта этого шага, даже если проект и не осознается самим обществом. Но мысленный проект создается на основе мысленной, когнитивной модели мира, его элементов и действующих в нем законов. А эта модель создается в результате социального, распределенного, проверенного опытом мышления больших масс людей. То есть понимание того, как люди и сообщества думают, есть ключ к пониманию действия и развития этого общества.

Человек вообще, если вдуматься, живет больше в воображаемом мире, чем в мире реальном. Человек не ползет ощупью по улицам реального города. Он идет по улицам, соотнося свое движение с мысленными образами зданий и тротуаров, образами, которые привязываются к реальному миру за счет зрительной информации. Человеку достаточно наличия всего нескольких опорных, реперных точек для того, чтобы привязать мыслимые объекты к реальному миру. При этом, направляя свой путь, он имеет в виду еще более далекие объекты, которых не видно в настоящий момент. Не органы чувств, а только воображение говорят ему о существовании этих объектов.

Более того, он соотносит свое поведение даже с объектами и событиями, которых еще нет в настоящее время. С поездом, который придет через час или день. С продукцией, которая еще не выпущена с завода. С ребенком, который еще не родился. Человек живет, таким образом, между прошлым и будущим, которые для него одинаково реальны. Он всегда видит мысленно не только тот мир, что перед глазами, но и то положение вещей, которое еще только должно наступить в будущем. Таким образом, он постоянно планирует, сознательно или бессознательно, на минуты или на годы вперед, только для себя или для больших масс людей.

Способность представлять себе картины будущего составляет значительную часть мышления вообще. Сам по себе поиск законов мира, упорядоченности событий, связан в конечном счете с возможностью предсказывать, а возможность предсказывать вместе с возможностью *оценивать* является основой планирования. То есть, мышление и планирование (в широком смысле) неразрывно связаны.

Люди привыкли считать, что они думают сами, что процесс мышления протекает исключительно в их головах. В действительности мышление человека больше похоже на работу сборочного конвейера, где в нечто целое собираются части, изготовленные на сотнях и тысячах разных заводов. Действительно, в своих мыслях мы оперируем "изделиями" тысяч других людей, многие из которых умерли многие века назад. Мы используем цифры, придуманные неизвестно кем, используем понятия, такие как "тяжелый", "твердый", используем теоремы Пифагора, *идеи* винта, рычага, денег, социальных классов, массы, времени, истины, чести и многое, многое другое. В сознании каждого из нас живут всякие "Ну погоди", "великий кормчий", Чарли Чаплин, древние греки, Рим, Македонский, Сократ и так далее. Одно перечисление этих идей, общих почти всем цивилизованным (этой цивилизацией) людям, заняло бы много страниц. Не будь этого общего идейного поля, мы не были бы способны понимать друг друга - понимать на уровне со-знания, совместного знания.

Никто из нас не способен был бы самостоятельно изобрести хотя бы сотую долю тех мысленных "запчастей", которые он использует в своей ежедневной работе.

Мы ориентируемся в жизненных ситуациях и принимаем решения, исходя отнюдь не только из личного жизненного опыта или опыта своего ближайшего окружения, но и из сотен и тысяч ситуаций, описанных в прочитанных нами книгах и виденных в кино.

Но мыслящий мозг способен из этих стандартных деталей собрать безграничное количество разнообразнейших конструкций, так же как из одинаковых микросхем можно собрать электронные устройства самого разного назначения; он способен адаптировать к себе чужие жизненные и исторические ситуации.

Некоторые скажут: да, это так, но, получив эти знания в процессе социализации, человек потом думает совершенно самостоятельно, автономно. Возможно, это и так, в большинстве *простых* случаев. Но в *сложных* случаях (даже при написании курсовой работы) человеку приходится постоянно обращаться к знаниям других людей - через литературу, консультации, Интернет. То есть мыслительная работа человека похожа скорее на работу процессора в компьютерной сети, чем на работу отдельного компьютера.

В еще более сложных случаях - при проектировании космического корабля, разработке бизнес-плана крупной корпорации, программы развития региона, стратегии развития страны, приходится создавать коллективы планировщиков, включающие специалистов и экспертов из разных областей знания и деятельности. При этом они создают то, что можно назвать

распределенной когнитивной моделью - такой моделью объекта планирования и ситуации, разные элементы которой находятся в головах разных людей и в артефактах (компьютерах, схемах, архивах) и соединены друг с другом через коммуникацию системой взаимодействий, которая позволяет этой модели вести себя подобно реальному объекту.

Но при этом надо, чтобы эти элементы были совместимы друг с другом, иначе получается нежизнеспособная химерическая конструкция. При попытках реализации химерического (созданного из несовместимых элементов) плана социальных действий мы имеем болезненное столкновение с реальностью. Это общая картина при несоответствии знания и реальности. Как, например, неверное предположение (в темноте) о размерах двери - то есть, когда модель, форма двери в голове не совпадает с формой объективной - приводит к удару лбом о косяк. Синяк - не велика беда; страшно, когда лбом о косяк истории ударяется целая страна.

Сход, впрочем, были элементами соборного мышления в России в достаточно давние времена; развитие монархии вытеснило эти формы мышления в сельскую общину, офицерское и дворянское собрания. Позже они существовали в виде собрания колхозников или цехов, в форме кухонных посиделок.

Как ни странно, пережив бурный взлет в 90-е годы в виде собраний различных народных фронтов и вновь созданных партий, соборные формы сознания почти исчезли из виду. Нельзя же считать соборным сознанием посиделки типа многочисленных телевизионных шоу, где всякая мысль обрывается на полуслове.

Возможно, соборное сознание бьется нынче в глубинах ООО и ОАО, рассеянных по российским просторам, актив которых в сигаретном дыму и за стаканом пива изобретает, как выжить и подняться в нашей неуютной стране.

Но нам нужно и решение более общих, глобальных вопросов, и в первую очередь, вопроса о том, чем должна стать Россия в начавшемся веке.

Теперь, после предварительного обсуждения, мы можем перейти к рассмотрению когнитивных процессов, происходящих в обществе на сломе исторических эпох.

Томас Кун писал в своей "Структуре научных революций":

"Почему изменение парадигмы должно быть названо революцией? Если учитывать широкое, существенное различие между политическим и научным развитием, какой параллелизм может оправдать метафору, которая находит революцию и в том и в другом?"

Один аспект аналогии должен быть уже очевиден. Политические революции начинаются с роста сознания (часто ограничиваемого некоторой частью политического сообщества), что существующие институты перестали адекватно реагировать на проблемы, поставленные средой, которую они же отчасти создали. Научные революции во многом точно так же начинаются с возрастания сознания, опять-таки часто ограниченного узким подразделением научного сообщества, что существующая парадигма перестала адекватно функционировать при исследовании того аспекта природы, к которому сама эта парадигма раньше проложила путь".

Кун не испытывал потребности пойти дальше в исследовании этой аналогии, иначе он быстро понял бы, что социальная революция связана с крушением парадигмы общественного знания,

системы представлений общества о себе и своем месте в мире. Так, до русской революции 17-го года большинство русских знали, что русский народ - богоносец; что царь - самодержец и защита народная; что дворянство - слуги царя в деле устройства государства; что Россия - самая лучшая, сильная и справедливая страна.

Революция и произошла в силу того, что это знание заменилось знанием о том, что царь, царская семья и дворяне - угнетатели народа, тормозящие развитие государства в новую эпоху. Разумеется, эта теория существовала достаточно долго в определенных слоях, жизненная практика которых ее подтверждала, - ведь практика разных социальных групп различна, а общественная парадигма одна и не достаточно хорошо объясняет все социальные феномены. Так же и научная парадигма существует, несмотря на то, что имеется ряд фактов, противоречащих ей или не объясняемых ею. Важно, чтобы теория объясняла подавляющее большинство фактов, при этом даже очень важные несоответствия оставляются для объяснения в будущем. Например, один из центральных для дарвинизма вопросов - проблема темпов эволюции, а проще говоря, невероятность путем случайного перебора генов получить сложнейшее живое существо - остается неразрешенным до сих пор.

Быстрое развитие капитализма в России, связанное с превращением миллионов крестьян в сверхэксплуатируемых рабочих и, в особенности, первая мировая война привели к тому, что жизненный опыт все большего количества русских людей стал доказывать им правоту альтернативной парадигмы и неправоту общепринятой. Немцы били нашу армию; деньги на амуницию разворовывались; царь назначал бездарных генералов.

Люди действуют исходя из своих знаний или того, что им представляется знанием; если в сумеречном лесу вам показалось, что за кустом стоит медведь, вы можете броситься бежать и подвернуть ногу, хотя на самом деле там нет никакого медведя.

Социальные знания намного менее точны, чем научные. Они имеют больше общего с мифом, чем с наукой. Одна часть разделяемых обществом стереотипов может не согласовываться или даже противоречить другой части. Тем не менее, даже мифические знания играют определенную функцию в жизни общества. Пусть люди "знают", что нельзя поступать плохо, ибо грозный бог Небопа накажет за это; и имеется мифически обоснованный список плохого и хорошего. Хотя мы можем не верить в Небопу (ну не верифицируется его существование), однако поведение людей на основании этого знания становится более социальным. Общество в целом выигрывает.

В последние века социальное знание начало проникаться неким подобием научности, и русская революция как раз и строилась на парадигме марксизма, имевшей претензию на научный статус. Марксизм, несомненно, представляет собой намного более целостную и логически увязанную систему, нежели комплекс идей о божественном происхождении монархии. Тем не менее, он оказался все еще невероятно далек от правильного описания столь сложной системы, как человеческое общество.

Скажем, волновая теория света гораздо научнее и прогрессивнее древних теорий о лучах, испускаемых глазом, но столь же непригодна для описания спектров атомов.

Тем не менее, у общества нет иных знаний, кроме этой плохо структурированной и ненадежной кучи мифов, верований, неизвестно на чем основанных убеждений и островков относительно научных систем социологии и экономики. Действовать же без знаний оно не может вообще.

Социальная революция, в отличие от эволюции, может происходить (и происходит) не из-за того, что появилось новое, более точное, знание, а из-за того, что пропало доверие к старому знанию. Как в приведенном случае с бегством от воображаемого медведя, общество может шарахнуться от старого комплекса знаний - если большинство разуверилось в нем - и оказаться в ситуации, когда оно имеет множество сырых, противоречащих друг другу и, главное, не принятых большинством общества систем знаний. В этих условиях начинает нарушаться сама целостность общества. Ведь общепринятая система знаний, иначе говоря, культура, и есть то, что придает обществу целостность.

Большинство бывает едино только в недовольстве старым, договориться же о новых общих принципах оно не имеет возможности в условиях закрытого общества. Именно поэтому изменения в закрытом обществе происходят революционным путем.

Теперь о том, что происходит в сфере социального знания после политической революции. Это предмет, которому социологи и культурологи уделяли поразительно мало внимания. Но значимость его огромна. Придется еще раз повторить, что человек и общество действуют на основании своего знания, пусть это знание скрытое, неполное и несовершенное. Это вообще свойство всякого снабженного мозгом существа, в отличие от механических устройств. Сначала действие рождается в нервной системе, мозгу, и лишь затем реализуется телом.

После социальной революции оказывается, что многие старые мерки не действуют. То, что было хорошим, становится плохим, и наоборот - то, что было недопустимо, делается похвальным. Изменяются и социальные объекты, с которыми приходится иметь дело человеку, социальные институты (законы и правила поведения), деловые и поведенческие навыки (рутины, по Нельсону и Винтеру).

Люди оказываются в ситуации, когда их знания и навыки делаются бесполезными. Они буквально оказываются не в том мире, в котором жили. Прошло более десяти лет с 1991 года, а россияне все еще не могут понять, в какой стране они живут, каково ее положение в мире и, тем более, каким оно будет через десять-двадцать лет. Причем это не недостаток знаний в мелочах, а недостаток концепций, парадигм. Входит Россия в мир Запада, или же она будет продолжать свой "особый" путь? Восстановятся ли отношения с бывшими республиками СССР? Или же России придется стать младшим партнером Китая? Как планировать свою жизнь, жизнь детей? К чему готовиться - к глобализации или к возврату диктатуры? У миллионов людей нет ответа на эти вопросы, или же ответы у всех разные. Разные ответы ведут к разным планам. Концептуально разные планы миллионов людей, реализуясь, могут привести только к распаду страны. Отсутствие ответов ведет к отсутствию планов, а это пахнет концом истории. Мы начинаем понимать, что *будущее в головах людей - не бестолковая мечта, фантазия, а идейный скелет, на который нарастивается плоть реальности по мере ее движения вперед во времени.*

Естественно огромное количество ошибок, совершаемых в период социальной трансформации, следующей за революцией.

Юрген Хабермас подметил важную особенность человеческого взаимодействия. Да, коллективное действие ведется на основе некоего плана, но при этом не все действующие могут разделять этот план или даже знать о нем. Пленные в колонне могут не быть согласны с намерением захватчиков отвести их в лагерь, но вынуждены следовать маршруту. План Сусанина не был известен полякам; интересно отметить, что у них был совершенно иной план, и они даже полагали, что успешно его выполняют... Иногда кажется, что народ России -

это поляки, следующие за новым Сусаниным. Рабочий на фабрике выполняет за плату планы дирекции, весьма приблизительно представляя эти планы.

В общем, люди могут действовать по общему плану без принуждения и обмана и не за деньги только в одном случае - когда они этот план *разделяют, согласны с ним*. А разделять план они могут только в результате всестороннего обсуждения. Государству лучше действовать по общему плану большинства своих граждан, иначе слишком много приходится затрачивать на принуждение.

Чем лучше обсужден план, чем большее количество человеческих знаний было использовано при составлении плана, тем больше шансов на его исполнение. Об этом говорит нам метод коммуникативного планирования. Понятно, что в ситуации множественности социальных планов мы имеем два варианта: или добиться некоего консенсуса путем широкого аргументированного обсуждения, путем социального эксперимента, в конце концов, или же продолжать двигаться сусанинским путем, когда элита общества имеет в голове один план (скорее даже - разные группы элиты имеют каждая свои планы), для общества же вещается другой план, а общество плетется по болотам, постепенно разбегаясь в стороны.

"Действовать по существу значит принимать решения в интересах организации. Это было противоядием от принятия решений в традициях бюрократической политики, где главное - произвести впечатление и опередить других, а если ты уже на самом верху, то сохранить свое кресло. Когда эти ценности укрепились и прижились, стало понятно, что все можно изменить, если люди научатся выводить на свет и продуктивно обсуждать собственные представления о мире", - пишет по поводу корпоративного управления В. Андрианов в популярной статье "Интеллектуальная модель управления в бизнесе" (Менеджмент и маркетинг, #3, 2001).

Это замечание вполне справедливо и в отношении страны или региона. Нужно продуктивное обсуждение. Но для продуктивного обсуждения нужна так называемая "ситуация идеального дискурса" Хабермаса. А для этого нужно ни много, ни мало, чтобы:

- высказывания были понятны коммуницирующим,
- высказывания были истинны (по отношению к объективному миру),
- говорящий легитимен в этом сообществе,
- говорящий правдив (по отношению к своему внутреннему миру, т.е. выражал то, во что верит).

Хабермас сформулировал здесь, не упоминая о том, ситуацию соборного мышления, ситуацию новгородского вече.

Задумываясь над этим коротким списком, мы понимаем, насколько мало реален он в нашем обществе. Прежде всего, какой процент населения понимает, что такое "глобализация", "ВТО", что такое "цивилизация", какова реальная политика США или Китая?

Какие высказывания о судьбе России истинны по отношению к объективному миру? Какая академия наук может ответить на этот вопрос?

И совсем грустно обстоит дело с правдивостью говорящих, с их легитимностью в глазах сообщества. Многолетняя война между депутатами и правительством, между независимыми аналитиками, проектировщиками политики и академическим сообществом, война прессы со всеми и всех с прессой привели к тому, что народ не верит никому из них. Единственный на

сегодня ресурс доверия имеется у президента. Но он мало говорит с обществом по острым вопросам. А общество, похоже, все еще боится этих острых вопросов, памятуя о 91-м и 93-м годах, и надеется, что они рассосутся сами. Может, и рассосутся, лет через сто, но у страны нет этих ста лет.

Какие из всего этого можно сделать выводы?

Надо создавать в обществе ситуацию идеального дискурса. А для этого нужна прежде всего искренность, а не то положение, когда каждая из сторон выстраивает один план для себя, и другой - для других, имеющий скрытую компоненту личной выгоды. Это не значит, что личной выгоды быть не может; но объявленная и открыто обсуждаемая личная выгода вполне вписывается в совместный план.

Нужна какая-то определенность и в определении пути России, пусть это и самый непростой вопрос. Но без ответа на него не решаются и малые вопросы, без стратегического видения тактика блуждает зигзагами. (Здесь наблюдается феномен "локальных истин" - каждое мыслящее сообщество придумывает себе удобную истину и балуется с ней в своем узком кругу, боясь выйти за его предел, ибо там немедленно подвергается осмеянию.)

Но идеи, добытые в кружках мыслителей, тиражируются в более широкие массы, которые используют их для ориентации и оправдания своей деятельности. В результате растет веерообразное расхождение общества на группы, ориентированные на разное будущее, эти комплексы идей закрепляются в противоречащих друг другу практиках.

И главное - определить наилучший путь для России можно, только поняв (хотя бы приблизительно) общее направление исторического процесса на планете Земля. (Интересно отметить, что Россия имеет уникальный опыт развития на основе планирования в отличие от спонтанного развития нормальных стран.) Задача не из рядовых. Требуется смена парадигмы. Требуются новые принципы, новые аксиомы. А для их определения требуется расширить поле поиска. Видимо, не случайно внимание интеллектуалов к неконвенциональным системам - геополитике, оргпроектированию, социоестественной истории, "русской системе" и прочему. Не случайно миллионы людей, презрительно названные "образованцами", смотрят по ночам Гордона, пытаясь понять что-то свое.

По-видимому, процесс достижения национального консенсуса не может произойти самотеком. Страна слишком велика и разнообразна, ее группы могут консервировать свои противоречивые установки. Требуется включение "соборного мышления" всей страны. Ускорить процесс можно только за счет вмешательства государства. Но это вмешательство должно быть рациональным. Правильнее всего рассматривать установление социальной истины как важнейший научный проект, на манер атомного или космического; но проект, согласованный с населением. Государство не могло указывать ученым, как расщеплять атом. Оно выступало заказчиком, задавало только конечную цель. Но проект разрабатывали сами исполнители. Для выбора промежуточных целей и методов имели место научная дискуссия и верификация, соревнование идей. Но государство могло обеспечивать проект и требовать результатов.

И результаты были получены.